

Brandner, Aleš

Исторические аспекты современных русских причастий

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 2, pp. 33-41

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117753>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

Алеш Бранднер

Деепричастия представляют в современном русском языке атрибутивные глагольные формы, сочетающие свойства глагола и наречия. Глагольным свойством деепричастий является значение процессуального признака, выражаемое в категориях вида и залога (действительного) – при отсутствии категорий наклонения и лица. Деепричастия, как и наречия, не имеют форм словоизменения и выступают в синтаксической функции примыкающего определения. Они обозначают побочное, дополнительное действие при главном, основном, выраженным глаголом-сказуемым (ср. *Рисуя, он напевал; Заметив меня, он улыбнулся*). Их принадлежность к глаголу проявляется в категориях вида и залога. Значение времени в деепричастиях морфологически не выражено, но в зависимости от вида глагола они могут выражать те или иные временные значения. Деепричастия глаголов несовершенного вида обозначают обычно одновременность называемого процесса с тем процессом, который назван определяемой формой глагола (ср. *Он говорил, волнуясь; Он говорит, волнуясь; Он заговорит, волнуясь*). Деепричастия глаголов совершенного вида чаще всего обозначают названный ими процесс как предшествующий определяемому процессу (ср. *Присев, он заговорился*), реже – как одновременный (ср. *Он шел, задумавшись*) или как последующий (ср. *Он вышел, хлопнув дверью*). Временные значения деепричастий нередко обусловлены лексическим значением глагола и зависят от контекста. Употребление деепричастия при предикативных формах допустимо в современном русском языке только в том случае, если субъекты действия деепричастия и сказуемого совпадают (ср. РГ, 1990, 307-308).

* * *

Деепричастия возникли из древнерусских причастий. Их непосредственным источником образования были формы именительного падежа кратких причастий действительного залога. К старым формам причастий

они восходят формально и синтаксически. Исконные формы косвенных падежей кратких причастий вышли в древности из употребления. Это объясняется тем, что краткие причастия потеряли способность выполнять роль определения. В этом отношении их судьба стала сходной с судьбой кратких прилагательных, с тем, однако, отличием, что краткие причастия, как обладающие большей связью с глаголом и, следовательно, с предикатом, чем краткие прилагательные, потеряли способность выступать в качестве определения еще раньше, чем краткие прилагательные. Л. П. Якубинский (1953, 253) обратил внимание на то, что в 1-ой Новгородской летописи по Синодальному списку от XIV века краткие прилагательные еще функционируют как определение, между тем как краткие причастия в этой функции уже почти не засвидетельствованы. Они встречаются, главным образом, в качестве второстепенного сказуемого. Господствующей формой выражения именного сказуемого в древнерусском языке являлся именительный падеж, согласованный с именительным падежом подлежащего (ср. *Верши все добры*). В связи с этим стоит и утрата краткими причастиями косвенных падежей, т. е. утрата склонения.

Краткие причастия действительного залога настоящего времени имели в именительном падеже окончание *-а// -я* для единственного числа мужского и среднего рода (ср. *зова, дада, ѡда, зная, пытая, хваля, лая*), *-учи// -ючи* для женского рода (ср. *зовучи, дадучи, ѡдучи, знаючи, пытаючи, хвалячи, лаячи*), *-уче// -юче* для множественного числа мужского рода (ср. *зовуче, могуче, ѡдуче, знающе, пытающе, хваляче, лаяче*).

Перерождение причастий, тяготевших к глаголам, в деепричастия (глагольные наречия) свидетельствуется утратой былого согласования (ср. *Се слышавше, Торци убояжася, пробѣгоша и до сего дне и помроша бѣгаючи* – Лавр. син. летоп., 55).

В древнерусском языке влиятельными оказались формы единственного числа женского рода на *-учи// -ючи*. От основ несовершенного вида эти формы были еще в широком употреблении в XVIII веке (ср. *Набелли тучи, Воду несучи...* Тредиак.). В древнерусском языке некоторое время с формой на *-чи* соперничала форма на *-че* (ср. *Фоминѣ неделѣ исходе...* 1-ая Новг. лет.).

С XIX века устанавливается то употребление деепричастных форм, которые мы имеем в настоящее время. Вытеснение окончанием *-я* (типичным для III и IV класса тематических глаголов) старого *-а* (закрепившегося изначально у тематических глаголов I и II класса) засвидетельствовано уже отдельными случаями в церковных памятниках XII века (ср. *идя, чьтя*), но представляло оно явление областного распространения. Победа подобных форм в литературном языке и вытеснение ими и форм

на *-чи* обязаны, по-видимому, преимуществом более единообразного и короткого окончания. Характерно, что в первой четверти XIX века, когда эти формы еще допускались в литературном языке, их однако же не рекомендовали на письме и в возвышенном слоге, отводя им место только в просторечии (ср. Булаховский, 1950, 211-212).

В современных русских говорах из указанных двух суффиксов деепричастий, присоединяющихся к основам настоящего времени, второй (на *-чи*) имеет некоторую локализацию; образования типа *идучи, умеючи, крадучи* в большей мере свойственны говорам северного наречия, чем южного; в говорах они составляют лексически более широкую, чем в литературном языке, но также ограниченную группу. Часто они используются в языке фольклора (ср. Кузнецов, 1973, 173).

Краткие причастия действительного залога прошедшего времени, из которых получились впоследствии деепричастия прошедшего времени, имели в основах на согласный в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода *-ъ*, в именительном падеже единственного числа женского рода *-ъш-и*, в именительном падеже множественного числа мужского рода *-ъш-е*, в именительном падеже множественного числа женского рода *-ъш-ѣ*. В основах на гласный и *я* между ними и окончанием вставлялось еще *-в-*. В дальнейшем относящиеся сюда факты распределились следующим образом: вместо старых *въземъ* из *възьмъ, сънемъ, приимъ* с XVII века в употребление входят *взяв, сняв, приняв*, образуемые от основ инфинитива (ср. также современные *прокляв, начав* вместо старых *прокльнь, прокльньши > прокленъ, прокленши; начьнь, начьньши > начень, наченши*). В XVIII веке установилась для возвратных глаголов в форме прошедшего времени финаль *-шись*; для глаголов без *-ся* были возможны и формы на согласный, и на *-ши, -вши* (первые преобладали). В течение XIX века (главным образом во второй его половине) русский язык начал ликвидировать деепричастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида и стал их заменять формами деепричастий настоящего времени, точнее, деепричастиями со значением одновременности к сказуемому; перестали употребляться сочетания типа: *Под камнем сим лежит Фира Фирсович Гомер, который пел, не знав галимании мер* – Сумар.; *Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство некоторое свестъ* – Пушкин.).

Из вышесказанного следует, что у трех конкурирующих падежей в конце концов возобладал именительный падеж мужского и среднего рода на *-а//-я* в настоящем и на *-ъ//-въ* в прошедшем времени (ср. современные формы *хваля,нося, хвалив, носив*); однако в прошлом рядом с ними существовали, а отчасти существуют и теперь, исконные формы

именительного падежа женского рода (ср. *идучи, смѣючись, хваливши, носивши*). Формы именительного падежа множественного числа на *-че* и *-ше (-ше)* вышли из употребления раньше всех.

Говорам известны следующие суффиксы, с помощью которых образуются деепричастия от основ прошедшего времени: а) от основ на согласный – *-ши*: *принесши, влезши*; б) от основ на гласный – *-вши, -миши, -тиши, -лиши*: *покуривши, покуримши, покуритши, покурилиши*.

Из суффиксов, употребляющихся для образования деепричастий от основ прошедшего времени на гласный, один суффикс – *-вши* – имеет повсеместное распространение; каждый из трех других суффиксов характеризуется для определенной части говоров, где они выступают обычно наряду с суффиксом *-вши*.

Образования с суффиксом *-миши* (ср. *вытимиши, пропамши, плакамши*) характерны для большей части говоров южного наречия и части среднерусских; суффикс *-тиши* (ср. *выпитши, пропатши, плакатши*) sporadически отмечается в разных говорах северного наречия; суффикс *-лиши* (ср. *выпилиши, пропалиши, плакалиши*) употребляется в небольшой области северной части среднерусских говоров.

Так как ни в какой части говоров не употребляются сколько-нибудь широко деепричастия от основы настоящего времени, вследствие этого расширяется грамматическая функция деепричастий от основ прошедшего времени: они могут использоваться в говорах для выражения сопутствующего действия или состояния не только предшествующего главному действию (ср. *С поля приду, весь день поработавши*), но и такого, которое находится с главным в одной временной плоскости (ср. *Брат сестру провожал, проводивши наказывал*). Таким образом, деепричастия от основ настоящего и прошедшего времени по своему грамматическому значению противопоставлены друг другу в говорах менее четко, чем в литературном языке. Отсюда вытекает, что значение относительного времени, присущее деепричастным формам в литературном языке, в говорах до известной степени стерто.

В отличие от литературного языка, деепричастия в говорах не имеют такого средства для выражения залоговых отношений, как частица *-ся*; при образовании деепричастий частица, имеющаяся в глаголе, обычно утрачивается, ср. *красться – крадучи, проснуться – проснувши, кончиться – кончивши* (ср. Мещерский, 1972, 204; Кузнецов, 1973, 173–174).

* * *

Развитие кратких форм действительных причастий можно определить как единоподнаправленное: в разных частных системах русского языка на базе форм именительного падежа этих причастий сложился класс неизменяемых причастных образований – деепричастий. Однако единоподнаправленность развития в данном случае, как и во многих других, не исключала моментов различия.

Различие касается уже состава единиц, образующих данный класс слов. В литературном языке ядро деепричастий составили образования, генетически связанные с формами именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, с суффиксами *-а//-я, -в* (ср. *держа, ставя, выдержав, поставив*). Формы с суффиксом *-учи//-ючи*, широко употребляемые в памятниках XVII-XVIII вв., постепенно выходили из употребления и в настоящее время представлены отдельными стилистически маркированными словоформами (ср. *будучи, идучи, играючи, едучи, жалеючи, крадучись*); все эти образования, кроме *будучи*, являются разговорными или просторчными. Образования с суффиксами *-ши, -вши* (ср. *несши, поставивши*) также малоупотребительны в современном литературном языке – правда, суффикс *-вши* регулярен для деепричастий от возвратных глаголов (ср. *наигравшись, умолившись*). Деепричастия с суффиксом *-а//-я* образуются от глаголов как несовершенного, так и совершенного вида (ср. *идя, придя*); что же касается деепричастий с основой прошедшего времени, то для них нормой можно, по-видимому, считать образования от глаголов совершенного вида.

В диалектной речи представлен другой принцип организации системы деепричастий, в основу которой легли образования, которые И. Б. Кузьмина (1980, 16) относит к формам кратких причастий именительного падежа множественного числа. Она не согласится с широкораспространенным подходом к образованиям типа *будучи, вставши* как к рефлексам форм именительного падежа единственного числа женского рода, так как данные формы засвидетельствованы в письменных памятниках относительно редко.

Ее теория построена на положении Д. Н. Кудрявского (1915, 12–13) о превращении в деепричастия только широкоупотребительных причастных форм; ими были краткие причастия мужского рода как в единственном, так и во множественном числе. И. Б. Кузьмина считает более убедительным предположение о генетической связи деепричастий на *-и* с причастными формами мужского рода множественного числа, имевшими исконно окончание *-е*. В пользу этого предположения, по ее мнению, говорит следующее: 1) широкая употребительность в памятниках причастий мужского рода как в единственном, так и во множественном числе;

2) факт конкуренции окончания *-е* в позиции мужского рода множественного числа с окончанием *-и* (как следствие грамматической аналогии с именами мягкой разновидности склонения); 3) то обстоятельство, что в систему деепричастий сначала входили не только формы с окончанием *-и*, но и формы с окончанием *-е*, засвидетельствованные главным образом в материалах памятников XIV века.

Деепричастия с основой прошедшего времени представлены в современных русских говорах только образованиями на *-ши//-вши* (ср. *вставши, пришедши*), генетически связанные с причастиями, имевшими окончание *-и*. В области деепричастий с основой настоящего времени картина постоянно меняется: употребление исконных причастных форм с суффиксами *-учи//-ючи* и особенно *-ачи//-ячи*, по-видимому, сокращается, формы с *-а//-я* скорее укрепляют свою позицию – вероятно, под влиянием литературного языка (ср. Кузьмина, 198,16).

Очень значительны различия между частными системами современного русского языка в области функционирования деепричастных форм. Применительно к литературному языку можно сказать, что деепричастные формы занимают стабильное место в грамматической системе и характеризуются детерминирующей функцией: они называют второстепенное действие, предшествующее или сопутствующее главному. При отсутствии слов, распространяющих деепричастие, это значение сближается со значением признака действия (ср. *идти не спеша*).

В диалектной речи отмечаются иногда такие случаи употребления деепричастных форм, которые связывают их с далеким прошлым – с бывшими изменяемыми причастиями или – точнее – причастными образованиями, согласующимися с именем в форме именительного падежа по роду и числу (косвенные падежи причастия считаются многими авторами принадлежностью только книжно-письменного языка). В известной мере представляется возможным говорить о сохранении неизменяемыми причастиями (деепричастиями) в говорах полифункциональности изменяемых причастий. Деепричастия в говорах могут выполнять функцию атрибута (ср. *засиневши поле*), предикативного атрибута (ср. *Дверь стоит отворя, Сидит машина завязши*), предиката (ср. *Лоханка разошши – в котле стираю*).

Предикативное употребление образований на *-ши//-вши* известно самым разным русским говорам. Отдельные случаи предикативного и полупредикативного употребления бывших причастий прошедшего времени встречались в древнерусском языке (ср. *Приникши Ольга и рече имь – Лавр. лет.*); засвидетельствованы они еще в литературе XVIII и XIX вв. (ср. *Приехала вы выпивши – никто вас не видит* – Н. В Успенский, Де-

ревенская газета). Думается, что от этих фактов (как диалектных, так и литературных) может быть перекинут мост к функционированию нами исследуемых причастий в предшествующие эпохи истории русского языка, хотя и известно, что с превращением причастий в неизменяемые единицы их предикативное функционирование стало уменьшаться. И. Б. Кузьмина (1980, 18) относит это положение ко всем частным системам русского языка. Она полагает, что „если бы где-либо на территории распространения русского языка сохранилось активное предикативное функционирование кратких причастий, оно не могло бы не встать на пути превращения их в неизменяемые единицы“.

Кажется, что употребляющиеся в разных современных говорах предикативные причастные конструкции сохранились или даже развились на фоне структур с полупредикативными причастиями, в которых согласование с именем-подлежащим осуществляется через глагол (ср. *Все руки стали кровью наливши, Здесь деревня осталась не сгоревши, Они часто выпивши бывают, Они здесь живут не расписавши, Дерево в лесу упавши – не пройти*). Употребление данных конструкций с деепричастиями от основ прошедшего времени характерно для части говоров (ср. Кузнецов, 1973, 174).

Конструкции с полупредикативными наречиями на *-ши (-ше)* отмечаются в памятниках разного времени, причем по преимуществу в таких, которые отражают т. наз. народно-разговорный тип языка (ср. *Запершиися сидѣли, Западши лежали, Не ядше умру, Не ядше пребыхъ*).

Очевидно, что полупредикативное употребление (функция предикативного атрибута), с одной стороны, сближается с употреблением кратких причастий в качестве второстепенного сказуемого, а с другой – с их предикативным употреблением, особенно с теми случаями, где выступает связка (ср. *В лесу не ядше блудиль семь дней x В лесу не ядше былъ*). Связь со структурами, в которых причастие выступает как предикативный атрибут, могла бы объяснить тот факт, что во многих говорах предикативная функция характерна для нескольких словоформ, обособленных по своей семантике – называющих состояние лица или предмета: *обувши, одевши, раздевши, выпивши, евши, спавши ...*

Из русских говоров выделяется группа таких, где употребление конструкций типа *Трава вся сгоревши – ничего нет, Покуль добегли, он скончавши был, Мы еще не поемши, Я еще не тимши, Он был уехавши* предстает как регулярное явление на широкой территории, включающей западную группу среднерусских говоров, севернорусские говоры, а также западную группу южнорусских говоров.

Интенсивность употребления приведенных конструкций в пределах указанной территории не одинакова – она падает с северо-запада к юго-востоку (ср. Кузьмина, 1980, 19). Применительно с территории северо-запада, где рассматриваемое явление представлено наиболее широко (ср. Кузнецов, 1973, 175) и где формы на *-ши* входят в системные отношения с формами прошедшего времени, представляется возможным квалифицировать предикаты типа *он (есть) вставши, он был (будет)вставши* как единицы, находящиеся на пути превращения из синтаксических сочетаний в неразложимые грамматические единства – аналитические формы глагола.

Литература:

- БУЛАХОВСКИЙ Л. А.: Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, „Радянська школа“, 1950.
- ГЕОРГИЕВА В. Л.: Причастное сказуемое в истории русского языка (по памятникам XII-XVII вв.). Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена 225 (1962), 153–169.
- ДАЛЬ В. И.: О наречиях русского языка. In: Толковый словарь великорусского языка. Т.1 (А-З). Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, XLI-LXXVI.
- ИВАНОВ В. В.: Историческая грамматика русского языка. Москва, „Просвещение“, 1983.
- ИВАНОВ В. В. – ПОТИХА, З. А.: Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. Москва, „Просвещение“, 1985.
- КУДРЯВСКИЙ Д. Н.: К истории русских деепричастий. Деепричастия прошедшего времени. Вып. 1. Юрьев, 1915.
- КУЗНЕЦОВ П. С. и кол.: Русская диалектология. Москва, „Просвещение“, 1973.
- КУЗЬМИНА И. Б.: К истории кратких действительных причастий в русском языке. In: Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1980, 15-20.
- МЕЙЕ А.: Общеславянский язык. Москва, Изд-во иностранной литературы, 1951.
- МЕЩЕРСКИЙ Н. А. и кол.: Русская диалектология. Москва, „Высшая школа“, 1972.

- ОБНОРСКИЙ С. П.: Очерки по морфологии русского глагола. Москва, АН СССР, 1953.
- РГ = Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Изд. 2-е, исправленное. Москва, „Высшая школа“, 1990.
- СОБИННИКОВА В. И.: Простое предложение в русских народных говорах (по материалам Воронежской области). Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1961.
- ШАХМАТОВ А. А.: Синтаксис русского языка. Ленинград, АН СССР, 1941.
- ЯКУБИНСКИЙ Л. П.: История древнерусского языка. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1953.
- ЯНОВИЧ Е. И.: Историческая грамматика русского языка. Минск, Изд-во „Университетское“, 1986.